

А. В. Ляпина

*Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского,
Омск*

**ОХОТНИЧЬИ ПРАКТИКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА
В ОЦЕНКЕ ЖУРНАЛОВ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ КОНЦА XIX ВЕКА**

В статье впервые представлена оценка содержания обрядовых практик народов Сибири и Крайнего Севера, связанных с охотой и рыбным промыслом, столичными журналами природы и охоты конца XIX века. Делается вывод о том, что аксиологическая составляющая обусловлена как общими тенденциями в характеристике инородцев цивилизованным сообществом в отечественном информационном пространстве, так и необходимостью сохранения в памяти культуры национальных традиций взаимодействия с природой и пропаганды «правильной» охоты на территории Российской Империи.

Ключевые слова: охотничий ритуал, журналы природы и охоты XIX века, человек – природа – общество, сибирские инородцы, охрана природы, этнографический очерк.

Введение

Процесс глобализации актуализирует в теории и практике гуманитарных исследований проблемы сохранения культурного наследия коренных народов России.

Традиционная культура коренных жителей Сибири и Крайнего Севера, включая охотничьи ритуалы и обрядовые практики с участием животных, давно и плодотворно изучается отечественными и зарубежными учеными по преимуществу на фольклорном и этнографическом материале: [См., например: 3; 4; 8; 10; 12; 13; 14; 15; 16].

Различные аспекты жизнедеятельности коренного населения Сибири на страницах региональной печати рассматриваются учеными-филологами сквозь призму проблемы формирования регионального самосознания [1], формирования и развития этнической темы [2]. Историки изучают Сибирь как часть национальной картины мира [11], исследуют жизнь сибирских аборигенов [6], выбирая в качестве источниковой базы общественно-политические, специализированные географические издания второй половины XIX века, интерпретируют образ коренного населения Сибирского края русскими поселенцами на материале сибирской дореволюционной периодики [5].

На периферии научной рефлексии оказались журналы природы и охоты конца XIX века, которые представили свое видение «инородческого вопроса».

Актуальность темы является двунаправленной. С одной стороны, исследование продолжает традицию изучения темы «сибирские инородцы» в столичной и региональной периодической печати в условиях глобализации. С другой стороны, осмысливается опыт взаимодействия человека и природы в традиционном обществе на фоне глобальных экологических проблем. Подобные экскурсии в историю помогают решать природоохранные задачи сегодняшнего дня.

Цель исследования – интерпретация традиций охотничьего промысла народов Сибири и Крайнего Севера в очерках столичных журналов природы и охоты конца XIX века.

Новизну исследования определяет как его материал, так и ракурс – охотничьи практики коренных народов Сибири и Крайнего Севера в оценке столичной прессы природы и охоты.

Выбор ракурса исследования позволяет расширить представления русских интеллектуалов о «далеком и суровом крае», определить редакционную политику изданий в отношении промысловой деятельности жителей отдаленных от центра районов, представить опыт взаимодействия человека и природы в традиционном обществе как важной составляющей этнической охотничьей субкультуры.

Объектом исследования стали журналы природы и охоты конца XIX века, на страницах которых опубликованы очерки об охотничьем промысле народов Сибири и Крайнего Севера.

Интерес отечественной печати второй половины XIX века в целом и специализированной в частности к традициям и нравам народов Сибири и Крайнего Севера обусловлен рядом причин. Необходимость писать о севере обосновывалась стремлением русских интеллектуалов заполнить очередную лакуну в представлении читателей европейской России о стране и ее регионах. Н. Н. Родигина выявила 3036 статей о Сибири, опубликованных в 50 «толстых» журналах второй половины XIX века [11. С. 32], многие из которых, как отмечают исследователи, рассматривают отдаленный уголок Российской Империи как край «полудиких сынов Азии», нуждающийся в преобразовании [11], [2].

Специализированная печать сосредотачивала внимание на состоянии охотничьих угодий, описывала флору и фауну, климат, жизнь и быт местного населения, занимающегося охотой и рыбным промыслом. В связи с ухудшением состояния охотничьих угодий, вызванным активными социально-экономическими преобразованиями (развитие промышленности, увеличение площади сельскохозяйственных угодий, демократизация социальной жизни, отток сельского населения в город, изменение классового состава охотников, развитие торговли огнестрельным оружием, освоение русскими окраинных территорий), в информационном пространстве актуализировалась проблема «человек-природа-общество». Все охотничьи, природоведческие издания (их насчитывалось к началу XX века около 30 – А.Л.) ставили цель – навести порядок в охотничьем хозяйстве, сберечь памятники природы. С призывом о прекращении бездумного, варварского отношения к охотничьей фауне обращалась к читателям вся охотничья периодика. «Для просвещенных охотников охота является возвышенным наслаждением. Она подчинена условиям, выработанным утонченностью чувства, чужда грубости и жестокости, далека от всего того, что может возмутить высокие понятия цивилизованного человеческого общества», – сообщается в редакционной статье журнала «Русский охотник» (1894. № 1. С. 1). «В честной охоте заключается благородная связь человека с природой», – информирует читателей журнал «Русская охота» (1905. № 1. С. 1).

Журналы природы и охоты также демонстрировали национальные традиции взаимодействия с природой. В охотничьих ритуалах и обрядах отразилась богатейшая культура народов Российской империи. Например, в иллюстрированном литературном, научном, политическом журнале «Природа и люди» в течение всего 1880 года публиковались этнографические очерки о коренных народах России, в которых в доступной форме рассказывалось об их внешнем виде, быте, нравах, о взаимоотношении с русскими переселенцами, о местах и условиях проживания, о промысловой деятельности, о системе религиозных верований и охотничьих практиках. Статьи опубликованы без указания авторства, написаны на основании «вторичных источников» (справочной и научной литературы, материалов периодической печати).

Результаты

Охоте в Сибири посвящен цикл статей А. А. Черкасова «На Алтае (из записок Сибирского охотника)» (Природа и охота, 1893, №№ 7–11); очерки Н. Яблонского «Тайга» (Охота, 1881, № 12); И. Алмазова «Рассказы южно-уссурийского охотника» (Природа и охота, 1890, № 4); Сахалинца «На острове Сахалин» (Природа и охота, 1890, № 7); И. Мельникова «На севере киргизских степей» (Охота, 1886, № 2); Василия Е-олова «Тяга в Сибири» (Природа и охота, 1893, № 7); В. Гирундова «Среди сибирской тайги» (Природа и охота, 1893, № 12) и других. Для коренных народов Сибири охота является не только необходимым компонентом промысловой культуры, одной из основных форм деятельности и источником существования, но и «сферой проявления духовного освоения мира с точки зрения взаимодействия природы и человека» [8. С. 362]. Между охотником и природой «веками складывался некий знаковый диалог, в ходе которого регулировалось поведение охотника на основании ценностей и сакральных охотничьих знаний, необходимых для достижения цели» [7. С. 55].

С охотой связаны многочисленные ритуалы, которые совершались на разных этапах ее проведения. «Собираясь на охоту, первобытный человек совершал сразу несколько обрядов: обряд очищения, обряд вознесения молитвы к богам и обряд благодарения будущей жертве за то, что она даст ему и его семье не умереть от голода» [9. С. 7].

Как отмечают культурологи, этнографы, фольклористы, ритуалы, направленные на обеспечение удачи на охоте, проводятся, как правило, с участием священных животных. Образ медведя является одним из самых почитаемых в охотничьих культурах народов Северного

полушария. «Образ медведя у охотничьих народов России, сформировавшийся в рамках тотемических верований, переплетающихся с идеями плодородия и умножения животных промыслового культа, включает представления о нем как о зверином предке – потомке небесного отца и мифической земной матери» [4. С. 48]. Русская охота на медведя включена в сферу высших ценностей человека традиционного общества. «В глубоком прошлом она была организующим началом жизнедеятельности общества, и вместе с тем она санкционировалась не только его реальными потребностями, но и ритуалом» [8. С. 362]. Например, в очерке «Медведь как предмет поклонения на нашем севере», опубликованном в журнале «Русский охотник», реконструируется содержание и структура ритуала почитания священного животного со ссылкой на уже известные тексты, в частности на работы Антона фон Пошмана (1758-1829), писателя, естествоиспытателя, путешественника, чей фундаментальный труд «Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями» издан в 1866–1873 годах. Автор очерка, обозначенный инициалами А.К., объясняет сохранение медвежьего культа «остатками языческого боготворения природы», которое распространено на нашем севере, «начиная с камчадалов и до самоедов включительно» (Русский охотник, 1892. № 46. С. 687). О культе медведя у сибирских инородцев сообщается и в журнале «Природа и люди»: «Для придания большего торжества, во время произнесения клятвы, камчадалы кладут руку на голову медведя и произносят следующие слова: “Пускай сожрет меня медведь, если я клянусь ложно”» (Природа и люди, 1880. № 5. С. 7). Камчадалы считают богами и других животных, остяки же, в том числе, поклоняются и волку, и оленю. В разных культурах божественная сущность медведя просматривается на уровне номинации. Так, норвежские крестьяне, соблюдая правила табу, именовали медведя «стариком в меховой одежде» и ассоциировали его с фольклорными традициями гиперболизации, приписывая «силу десяти человек и хитрость двенадцати» (Русский охотник, 1892. № 46. С. 687).

В охотничьих ритуалах народностей Сибири и Крайнего Севера можно встретить дополнительные действия с участием культовых животных, демонстрирующие культурно-этническую специфику конкретной нации.

У мезенских самоедов, еще до принятия ими христианства, распространенным был ритуал жертвоприношения, о чем сообщается в этнографических источниках. Так, «перед знаменитым идолом грозного Весаки, находившимся <...> на острове Вайгаче, перед которым самоеды отправляли ежедневно торжественные жертвоприношения, найдена была громадная куча оленьих черепов с рогами и тридцать черепов белых медведей» (Русский охотник, 1892. № 46, С. 687).

Вместе с жертвоприношениями у мезенских самоедов известны и ритуалы принятия клятвы (присяги), цель которой состояла в самоочищении и сохранности каждого индивида: «накажи нас тем, чтобы наши тела растерзали бы звери, чтобы мы растаяли как снег, или рассыпались как земля, ежели мы присягаем не от чистого сердца» (Русский охотник, 1892. № 46. С. 688). Произнесение присяги на шкуре убитого животного считается чрезвычайно важным событием. Об этом сообщает журнал «Русский охотник» и «Природа и люди». Описание самого процесса присяги репрезентируют как мифологические, так и религиозные представления древних народов.

Религиозные представления самоедов в данном ритуале связаны с обращением к всезнающему Богу – Нуму /Нумаю, которого они называют Всесущим. Как отмечает А. П. Пошман, «самоед верит, что Его образ возвеличен и превознесен над всяким созданием и воображением, что сие Божество обитает на выпрленном небе» [10. С. 130]. Нумаю он молится во время ритуала, сопровождаемого магическими действиями (раздеванием до «нага»), устремляя свой взор к небу, и надеется на милость всеведущего Бога.

Обязательным элементом жертвоприношения является умерщвление черной собаки и вымазывание жертвенной кровью выстроенных для этого действия пирамид и последующее их разрушение как финальное завершение. Мифологическое начало клятвенного заклинания самоедов проявляется в совершении кульминационного действия – поедание частицы носа (на языке самоедов – мырки) белого медведя, которое рассматривается как священный «обычай общения с божеством через вкушение его материальной субстанции» (Русский охотник, 1892. № 46. С. 687).

Особое место в этом специфическом ритуале занимает фольклорно-символическая традиция, которая выражается в осмыслении белого медведя (на языке самоедов – ошкуя) как священного животного. Не случайно сами самоеды противопоставляют себя этому животному, что просматривается в смысловой оппозиции: чистое/священное – нечистое существо. Так, самоедки (нечистые) не могут прикасаться к шкуре убитого медведя, а мужчины-самоеды даже не заносят сало и шкуру медведя в чум. Таким образом, убитый медведь приобретает табуированное значение. И только клыки ошкуя имеют символическое предназначение и служат талисманами для самоедов, оберегая их от неприятностей.

В очерке «Народы России. Сибирские инородцы. Остяки» рассказывается и о наличии у коренного населения поверий, связанных не только с почитанием медведя, но и других животных, проявляемых как в промысловых культах, так и в других областях традиционной культуры. Остяки употребляли в пищу и мясо только что убитых зверей, птиц: «Нам лично приходилось видеть, как остяки, сидя вокруг только что убитого оленя, отрезали куски мяса, макали их в еще дымящуюся кровь и ели жадно с наслаждением» (Природа и люди, 1880. № 1. С. 10). Олень наделялся в ритуальных практиках сакральными функциями и выступал в роли священного животного, которое приносили в качестве жертвоприношения богам с целью обеспечения удачи на охоте. Ритуал предполагал убийство оленя стрелами по знаку, данному шаманом. Затем все присутствующие поедали сырое мясо и пили теплую кровь застреленного животного. «Для общения с водными божествами остяки-язычникикупаются в море, бросают в волны кусок меди или металлические деньги, топят оленей. Кожу и рога убитого оленя развешивают в честь богов по деревьям, мясо съедается всеми присутствующими, часть идет шаману» (Природа и люди, 1880. № 1. С. 15).

Несмотря на детальное воспроизведение отличительных черт обрядовости охотничьего промысла в традиционном обществе, очерки отражают сложившуюся в столичной печати традицию восприятия коренного населения как «полудиких сограждан». Очерк «Медведь как предмет поклонения на нашем севере» начинается с имплицитного противопоставления охотничьих ритуалов инородцев поведению на охоте просвещенных русских: «Во многих местах, куда культура XIX века еще не занесла цивилизации, человек из чувства страха и уважения к силе, составил себе особый культ таких диких зверей и вредных пресмыкающихся. Благоговейный страх, который не дает ему смелости не только истреблять их, но и бороться с ними. Таким образом, как говорит знаменитый английский историк Бокль, самое зло, наносимое человеку вредными животными, служит причиной безнаказанного их существования» (Русский охотник, 1892. № 46. С. 687). В описаниях охотничьих практик не раз можно встретить такие оценочные характеристики коренных народов, как «наши сибирские индейцы», «простодушные полудикари», «полудикие сограждане».

Иллюстрированный литературный, научный, политический журнал «Природа и люди», рассказывая об особенностях охотничьего промысла у якутов и тунгусов, упрекает охотников в бездумном уничтожении животных, называет их «дикарями», которые «рубят зверей без пощады» (Природа и люди, 1880. № 3. С. 29). В очерке «Тунгусы и Юкагиры» подробно описана охота на оленей во время их переправы через реку. Опытные промышленники, вооруженные копьями и «поколюгами», врываются в табун и колют с невероятной скоростью плывущих оленей. Схватка с животными становится опасной и для самих охотников, так как разъяренный зверь набрасывается на лодку и опрокидывает ее, но опытный охотник, как правило, избегает опасности и за «полчаса может истребить до ста и более оленей» (Природа и люди, 1880. № 4. С. 14–15).

Редакция журнала «Русский охотник» утверждает, что «охотник-дикарь, охотник-истребитель не стесняется никакими средствами, не знает иной цели, кроме добычи средств к жизни; для него чем больше добыча, тем лучше. Такая охота составляет низшую ступень связи человека с природой, связи, вызываемую одними материальными трудностями» (Русский охотник, 1894. № 1. С. 1). Данная в редакторской статье журнала «Русский охотник» оценка образа охотника-промысловика вполне соотносима с оценкой охотничьей деятельности в этнографических статьях журнала «Природа и люди» и в авторских очерках других специализированных изданий. Например, ученый-исследователь, чиновник высокого ранга А. А. Черкасов в цикле очерков «На Алтае» называет охотников, бездумно уничтожающих дичь, «ружейниками», считает, что эти

люди бьют все, что попадает на глаза без разбору. В целом отрицательное отношение столичных изданий к диким нравам сибирских охотников объясняется общим плачевным состоянием охотничьих угодий в конце XIX века, в Сибири в частности. Хищническое истребление охотничьей фауны во второй половине XIX века побудило ученых, общественных деятелей, членов Российского Императорского Общества правильной охоты придать этому роду занятий статус этического события [7. С. 54] и узаконить охотничью деятельность. В феврале 1892 года был принят первый в истории России закон, устанавливающий правила охоты.

Заключение

Таким образом, журналы природоведческой и охотничьей тематики конца XIX века, знакомя образованного читателя европейской части Империи с традициями, обрядами коренных народов «другой», далекой России, акцентировали внимание на этнических ценностях инородцев, реализованных в охотничьих практиках, отмечали духовную связь человека и природного мира как систему взглядов далеких предков.

Редакции изданий, заинтересованные в инородческой проблематике, в большинстве своем представляли перепечатку уже опубликованных материалов без указания авторства или апеллировали к мнению авторитетных источников.

Оценочные характеристики отдельных черт обрядовости охотничьего промысла поддерживают оппозицию цивилизованного мира просвещенного автора и полудикой обрядовой формы существования коренных народов Сибири и Крайнего Севера.

Неодобрительная оценка охотничьей деятельности, данная в очерках, обуславливалась поставленными государством задачами пропагандировать идею «правильной» охоты на всей территории Российской Империи, рекомендовать разумные способы добывания охотничьих животных и птиц в целях сохранения природных богатств.

Список литературы

1. Жилиякова, Н. В. Диалог русской и инородческой культур на страницах периодической печати Томской губернии (конец XIX- начало XX века) / Н. В. Жилиякова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 19–25.
2. Казарина, Г. А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX в.: авторы, проблематика, жанры : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореф. дис. .. канд. филол. наук / Казарина Галина Александровна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Новосибирск, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.
3. Каннисто, А. О медвежьих обрядах вогулов / А. Каннисто. – Текст : непосредственный / Пер. с нем. Н. В. Лукиной // Поэтика жанров фольклора народов Сибири : Миф. Эпос. Ритуал. – Новосибирск, 2007. – С. 74–87.
4. Кошкарлова, Ю. А. Архетипические основы медвежьего мифа / Ю. А. Кошкарлова. – Текст : непосредственный // Социосфера. – 2012. – № 5. – С. 47–50.
5. Кузнецова, Т. А. Представления русских об «инородческом» населении Сибири во второй половине XIX – начале XX века (по материалам сибирских периодических изданий Русского географического общества) / Т. А. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы, сб. материалов регион, молодеж. науч. конф. [17-18 сент. 2007 г., Новосибирск] / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск, 2007. – С. 104–111.
6. Ледовских, А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX - начале XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. . канд. ист. наук / Ледовских Анна Юрьевна ; Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.
7. Ляпина, А. В. Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») / А. В. Ляпина. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 6. – С. 49–61.

8. Медведева, Г. В. Охота на медведя в Сибири. Структура и семантика ритуала (по материалам народной прозы 1980–2011 гг.) / Г. В. Медведева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 361–365.
9. Мировые культы и ритуал: могущество и сила древних / сост. Матюхина Ю. А. – Москва : РИПОЛ классик, 2011. – 301 с. – Текст : непосредственный.
10. Пошман, А. П. О самоедах / А. П. Пошман. – Текст : непосредственный // Гений времен. – 1807. – № 32. – С. 129–131.
11. Родигина, Н. Н. Образ сибирских «инородцев» в журнальной прессе пореформенной Российской империи как инструмент формирования социальных идентичностей / Н. Н. Родигина. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 126–129.
12. Соколова, З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири / З. П. Соколова. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 41–62.
13. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1883-1903. / Л. И. Шренк. – Т. 3. – 145 с. – Текст : непосредственный.
14. Khomic, L. V. Eine Klassifikation von Nenets Shamans / L. V. Khomic. – Текст : непосредственный // Shamanism in Siberia. Ed. von V. – Dioszegi und M. Hoppal Budapest, 1978. – Pp. 245–253.
15. Shepard, P. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth and Literature / P. Shepard, B. Sanders. – New York : The Viking Press, 1985. – 243 p. – Текст : непосредственный.
16. Schmidt, E. Bear Cult and Mythology of the Northern Lee-Ugrians / E. Schmidt. – Текст : непосредственный // Ural Mythologie und Folklore (Ethnologica Uralica). M. Hoppal -J. Pentikainen (Hrsg.). Budapest-Helsinki, 1989. P. 187-232.

**HUNTING PRACTICES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA
AND THE HARD NORTH IN THE ASSESSMENT OF NATURE
AND HUNTING JOURNALS OF THE END OF THE XIX CENTURY**

Lyapina A. V., Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, a.v.liapina@mail.ru

For the first time, the article presents an assessment of the content of ritual practices of the peoples of Siberia and the Far North, associated with hunting and fishing, the capital's journals of nature and hunting of the late 19th century. It is concluded that the axiological component is due to both general trends in the characterization of foreigners by the civilized community in the domestic information space, and the need to preserve the culture of national traditions of interaction with nature and propaganda of "correct" hunting on the territory of the Russian Empire.

Keywords: hunting ritual, 19th century nature and hunting journals, man - nature - society, Siberian foreigners, nature conservation, ethnographic sketch.

References

1. Zhilyakova, N. V. (2016). Dialog russkoj i inorodcheskoj kul'tur na stranicah periodicheskoj pečati Tomskoj gubernii (konec XIX- nachalo XX veka) [Dialogue of Russian and foreign cultures on the pages of the periodical press of the Tomsk province (late XIX - early XX century)]. *Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk state University. Ser.: History, philology], 6 (15), pp. 19-25. (in Russ).
2. Kazarina, G. A. (2009). *Korennoe naselenie Sibiri na stranicah «Tomskih gubernskih vedomostej» vo vtoroj polovine XIX v.: avtory, problematika, zhanry* [The indigenous population of Siberia on the pages of the Tomsk provincial Gazette in the second half of the XIX century: authors, problems, genres]: avtoref. dis. .. kand. filol. nauk . 24 p. Novosibirsk. (in Russ).

3. Kannisto, A. (2007). O medvezh'ih obryadah vogulov [Per. s nem. N.V. Lukinoj] [About the bear rites of the Voguls]. *Poetika zhanrov fol'klora narodov Sibiri: Mif. Epos. Ritual* [Poetics of genres of folklore of the peoples of Siberia: Myth. Epos. Ritual], pp. 74–87. Novosibirsk. (in Russ).
4. Kuznecova, T.A. (2007). Predstavleniya russkih ob «inorodcheskom» naselenii Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka (po materialam sibirskih periodicheskikh izdanij Russkogo geograficheskogo obshchestva) [Russian Russian ideas about the “foreign” population of Siberia in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of the Siberian periodicals of the Russian geographical society)]. *Historical research in Siberia* [Historical research in Siberia: problems and prospects, collection of materials region, Moscow. scientific conf. [17-18 sent. 2007 g., Novosibirsk] / RAN, Sib. otd-nie, In-t istorii, pp. 104-111. Novosibirsk. (in Russ).
5. Koshkarova, Yu. A. (2012). Arhetipicheskie osnovy medvezh'ego mifa. [Archetypal foundations of the bear myth]. *Sociosfera* [Sociosphere], 5, pp. 47-50. (in Russ).
6. Ledovskih, A. Yu. (2008). Sibirskij «inorodcheskij vopros» na stranicah rossijskoj zhurnal'noj pressy vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv. [Siberian “foreign question” on the pages of the Russian magazine press in the second half of the XIX - early XX centuries] : avtoref. dis. . kand. ist. nauk, pp. 24. Omsk. (in Russ).
7. Lyapina, A. V. (2019). Opyt vzaimodejstviya cheloveka i prirody v specializirovannoj presse konca XIX veka (na materiale zhurnalov «Priroda i ohota» i «Russkij ohotnik») [The Experience of Man and Nature Interaction in the Specialized Print Publications of the Late 19th Century (A Case Study of Magazines «Nature and Hunting» and «Russian Hunter»)]. *Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk state University. Ser.: History, philology], 6 (18), pp. 49-61. (in Russ).
8. Medvedeva, G. V. (2011). Ohota na medvedya v Sibiri. Struktura i semantika rituala (po materialam narodnoj prozy 1980-2011 gg.) [Bear Hunting in Siberia. Structure and semantics of the ritual (on materials of the folk prose 1980-2011 years)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 5 (30), pp. 361-365. (in Russ).
9. *Mirovye kul'ty i ritual: mogushchestvo i sila drevnih* (2011). [World cults and rituals: the power and power of the ancients], 301 p. Moskva : RIPOL klassik. (in Russ).
10. Poshman, A. P. (1807). O samoedah [About samoyeds]. *Genij vremen* [Genius of the times], 32, pp. 129-131. (in Russ).
11. Rodigina, N. N. (2007). Obraz sibirskih «inorodcev» v zhurnal'noj presse poreformennoj Rossijskoj imperii kak instrument formirovaniya social'nyh identichnostej [The Image of Siberian “foreigners” in the journal press of the post-reform Russian Empire as a tool for forming social identities: Humanities in Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia], 3, pp. 126-129. (in Russ).
12. Sokolova, Z. P. (2002). Kul't medvedya i medvezhij prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The cult of the bear and the bear festival in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], 1, pp. 41-62. (in Russ).
13. Shrenk, L. I. (1903). *Ob inorodtsakh Amurskogo kraja* [About foreigners of the Amur region], 3, 145 p. SPb. (in Russ).
14. Khomic, L. V. (1978). Eine Klassifikation von Nenets Shamans. Irr: *Shamanism in Siberia*. Ed. von V. Dioszegi und M. Hoppal, pp. 245-253. Budapest.
15. Shepard, P. & Sanders, B. (1985). *The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth and Literature*, 243 p. New York: The Viking Press
16. Schmidt, E. (1989). *Bear Cult and Mythology of the Northern Lee-Ugrians*. Ural Mythologie und Folklore (Ethnologica Uralica). M. Hoppal -J. Pentikainen (Hrsg.), pp. 187-232. Budapest-Helsinki.

Ляпина Алина Викторовна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

ORCID: 0000-0001-7203-6713.

a.v.liapina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ляпина А. В. Охотничьи практики коренных народов Сибири и Крайнего Севера в оценке журналов природы и охоты конца XIX века // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 188–195. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10421.

Lyapina A. V. Hunting practices of the indigenous peoples of Siberia and the Hard North in the assessment of nature and hunting journals of the end of the XIX century // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2020. No 4 (38), pp. 188–195. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10421.